

Полуденное солнце ласково грело землю. Мужчины, потрудившиеся все утро, с мотыгами на плечах возвращались домой, весело переговариваясь по пути...

— Ну что, парень из семьи Цянь, свадьба-то скоро? Назначили день? Мы все ждем — не дождемся, когда винца на радостях выпьем!

— И то верно! И Да Мэн тоже пусть поторапливается! Давайте, оба, не тяните! — подшучивали деревенские над двумя парнями, которые густо покраснели от таких речей.

— Эх, обнять молодую жену, нежную да ласковую... Одно воображение дух захватывает! — неженатые парни аж глазами заблестели от зависти.

Дядя Цянь с довольным видом похлопал своего глупо улыбающегося сына по плечу и громко ответил: — Скоро, скоро! Как придет срок — всех вас, дядя да братья, позовем первыми, без угощения не останетесь!

При упоминании вина у всех зажглись огоньки в глазах. Казалось, в воздухе уже поплыл терпкий аромат крепкой браги, и мужики невольно сглотнули слюну.

Прошлый пир у Цяней был на диво хорош, а если на эту свадьбу снова удастся позвать Цю-гэра готовить — об этом и мечтать было сладко. Тем более, после целого утра в поле животы у всех подвело.

И тут вдруг ветерок принес тонкий, дразнящий аромат... М-м-м... Как вкусно пахнет!

Все подозрительно приняхались. Откуда несет мясом? Неужели от голода начались галлюцинации? —

Ого! Кто это сегодня мясо тушит? Кому-то дома крупно повезло! — Мужчины переглядывались, подмигивая друг другу, и каждый втайне надеялся, что это пахнет из его двора.

Шедший впереди Цянь Мин потянул носом и разочаровал компанию: — Похоже, нам ничего не светит! Это от дома Шинаня несет. — Он потер нос. — Цю-гэр сегодня опять что-то знатное затеял!

Завидев Чэн Шинаня, который еще оставался на своем поле, Цянь Мин крикнул через межу: — Брат Шинань! Домой-то не пора? Что там тебе сегодня Цю-гэр вкусенького приготовил?

Услышав зов, Шинань поднял голову, поздоровался со всеми и, с улыбкой выслушав шутливые подначки, весело зашагал домой обедать.

Во дворе Вэй Цю уже вынес стол на улицу — он соскучился по ласковому солнцу и не хотел терять ни минуты тепла.

— Вернулся! — воскликнул Вэй Цю, как раз выставляя блюда на стол.

Шинань вошел, весь в капельках воды — он сначала заглянул к ручью смыть грязь, чтобы не тратить домашнюю воду попусту.

— Как пахнет! Еще в поле учуял, — Шинань подошел и обнял Вэй Цю. — Спасибо за труды.

Вэй Цю прищурился от удовольствия: — Я их целых два часа тушил! Сегодня будем долго и со вкусом грызть косточки, отведи душу.

— Обязательно! — Оба сели за стол.

Кости в соусе (цзянгутоу) удались на славу: густой, насыщенный красный цвет, аромат соуса и дразнящая нотка острого перца. От одного вида слюнки текли.

— Ух... остренько! — Вэй Цю первым обглодал кусочек.

Шинань ел, не поднимая головы: — Вкуснотища!

Глядя, как он с аппетитом расправляется с костями, Вэй Цю вспомнил вчерашнее «зеленое» лицо мужа при виде одних овощей, и на душе у него стало весело и тепло.

— Ешь побольше! — Вэй Цю подкладывал ему самые мясистые куски позвоночника, а сам предпочитал те, где мяса поменьше — он обожал высасывать костный мозг и обглаживать хрящики, это казалось ему самым вкусом.

Огромная миска опустела в мгновение ока. Вэй Цю также приготовил острую маринованную фасоль, чтобы перебить жирность, и она тоже исчезла со стола со скоростью света. После сытного обеда они по традиции выпили чай для пищеварения.

Шинань вызвался мыть посуду, а Вэй Цю сходил проверить гусят, что неспешно прохаживались у ручья. Увидев, как те, зажмурившись, греются на солнышке, прижавшись друг к другу, он со спокойным сердцем вернулся в дом.

Когда посуда была вымыта, Вэй Цю уложил Шинаня на кровать и принялся разминать ему плечи и спину, чтобы тот расслабился. Последние дни были тяжелыми, и часто Шинань засыпал под тихий храп еще до того, как Вэй Цю заканчивал массаж.

Днем Вэй Цю прилег рядом и задремал. Шинань поспал совсем недолго — он всегда спал чутко и просыпался быстро. А вот Вэй Цю спал глубоко; если раньше он мог вскрикивать во сне или часто просыпаться, то теперь, когда Шинань был рядом, его сон был безмятежным, а пробуждение — бодрым.

Обычно Шинань, проснувшись, еще долго лежал и смотрел на спящего мужа, и этот день не стал исключением. Лишь когда тени стали длиннее, он осторожно высвободился из объятий и тихонько ушел в поле...

Вэй Цю проспал еще пару часов. Проснувшись, он нащупал остывшую постель и понял, что Шинань ушел уже давно.

Одевшись, он побрел искать мужа. На пашне его не было, тогда Вэй Цю свернул к целине у ручья. Шинань был там: его высокая фигура на корточках выглядела даже немного сиротливо, пока он усердно вырывал сорняки по краям участка. Вэй Цю взял с собой охлажденный ячменный чай, захватил серп и пошел на подмогу.

— Ши-гэ!

Шинань обернулся и, увидев подходящего мужа, глянул на небо: — Что ж ты так мало поспал?

Вэй Цю с улыбкой подошел и вытер ему пот со лба: — Если пересплю, ночью глаз не сомкну.

Шинань послушно наклонил голову, позволяя Вэй Цю ухаживать за собой. Глядя на его заспанное румяное личико, он невольно расплылся в нежной улыбке.

Вэй Цю, завидев это «цветущее» лицо, шутливо потискал его за щеки. Шинань не сердился, позволяя лепить из своего лица что угодно, и Вэй Цю даже не побрезговал тем, что ладони его стали мокрыми от пота.

Немного понежившись, они вместе принялись за траву. Шинань предусмотрительно прихватил маленькую скамеечку — он знал, что если дело дойдет до прополки, Вэй Цю не утерпит и придет помогать, а долго сидеть на корточках тому тяжело. Так и вышло: Вэй Цю поработал немного и, сдавшись, уселся на скамью.

На этом участке Шинань расчистил уже два му: часть под арахис, часть под пшеницу. Пшеницу уже посеяли, хотя в первый год на целине урожай вряд ли будет богатым. Но близость воды и неплохая почва давали надежду: если почаще поливать и ухаживать с душой, зерна будет больше. Сегодня нужно было закончить с сорняками по краям и еще раз перекопать землю, чтобы завтра посадить арахис.

Шинань быстро управился со своей частью, оставив Вэй Цю лишь крошечный клочок — «поиграться», а сам взялся за перекопку.

Вэй Цю только носом шмыгнул, глядя на этот жалкий метр сорняков, оставленный ему «для забавы» — Шинань явно подтрунивал над его «великой помощью».

Когда небо окрасилось вечерней зарей, Вэй Цю отряхнул руки, подхватил скамеечку и пошел домой, попутно загоняя гусят и утят. Нужно было готовить ужин, а Шинань планировал еще немного задержаться. Дома он накормил птицу и запер её на заднем дворе, после чего вымыл руки и принялся за готовку.

На ужин он решил сделать жидкую кашу с галушками (мяньгэда) и пожарить сушеную соленую рыбу. Рыбу он предварительно вымочил в подсоленной воде, чтобы лишняя соль вышла и блюдо не получилось пересоленным.

Пока варилась каша, он замесил тесто, подготовил приправы. Когда рис в каше размяк, он стал рвать тесто на кусочки и бросать в котел. Как только галушки схватились, он осторожно перемешал их, чтобы не прилипли ко дну, и подождал, пока они всплывут. Галушки нельзя переваривать, иначе они станут чересчур мягкими и потеряют приятную упругость.

Едва Шинань вернулся домой, Вэй Цю ловко принялся за рыбу. Имбирь, чеснок и сушеный чили зашипели в масле, следом пошла рыба. Обжарив её, он добавил немного воды, потушил, а затем выпарил лишнюю влагу, добавив в конце зеленый лук для аромата.

Следующим блюдом был салат из пастушьей сумки (цзицзицай). Он ошпарил зелень, обдал холодной водой и отжал. Добавил имбирь, чеснок, перец и обдал всё это раскаленным маслом. Капелька соевого соуса, уксуса, кунжутного масла и соли — и по комнате разлился свежий, чуть сладковатый аромат. Вэй Цю не удержался и попробовал: очень нежно, сочно и сладко, чем дольше жуешь, тем вкуснее.

Напоследок он быстро обжарил побеги аралии (цилунбао) с вяленным мясом — и ужин из двух мясных и одного овощного блюда был готов.

Они ужинали в комнате за прикроватным столиком. После еды Вэй Цю вымыл посуду и согрел воду. Сначала мыться пошел Шинань — вечерами всё еще было холодно, и Шинань всегда шел первым, чтобы согреть своим телом помещение купальни перед тем, как туда пойдет Вэй Цю.

Закончив водные процедуры, Шинань подсушил свои волосы у печи, а затем усадил Вэй Цю

перед собой, чтобы вытереть его голову... Кожа Вэй Цю после купания покраснела и стала гладкой, как очищенное яйцо. Он послушно сидел на скамеечке, пока муж вытирал ему лицо и волосы. Шинань действовал предельно аккуратно, стараясь не дергать волосы, как в былые времена.

— Свадьба-то у Цянь Мина когда? Что-то затихло всё, — любопытствовал Вэй Цю.

— Вчера дядя Цянь говорил, что как весеннюю страду закончат — так и сыграют, — тихо ответил Шинань.

— Ну и ладно, сейчас всё равно в деревне всем не до гулянок, — улыбнулся Вэй Цю. — Скоро вообще череда праздников пойдет: у тетушки Цзиньхуа тоже свадьба на носу, Ин-эр замуж выходит.

— Угу, доброе дело.

— А ты знаешь жениха Ин-эр? Из наших он? Хороший человек? — Вэй Цю размял затекшую шею и потащил Шинаня на кан.

Там они улеглись, переплестясь, как два жгута. Вэй Цю пристроился на груди у Шинаня, закинув на него ногу, и принялся расспрашивать дальше.

— Мэнцзы-гэ (Да Мэн) — единственный сын в семье. Хотя мать у него и мачеха, но относится к нему очень хорошо.

— Вот как?

— Да. Мать Да Мэна умерла при родах. Его отец долго не женился — боялся, что чужая женщина будет обижать сына. Своими силами растил его. Только в тот год, когда я ушел на войну, старейшины уговорили его сойтись с одной вдовой из соседней деревни. Женщина она кроткая, своих детей нет, так что Да Мэна приняла как родного. Вся семья у них очень добрая...

Вэй Цю согласно кивнул: — Это хорошо. Добрым людям всегда везет. Ин-эр сама тихая да скромная, в такой семье ей нечего бояться ссор со свекровью. Радостно за неё.

Вдруг Вэй Цю о чем-то подумал, приподнялся и посмотрел на Шинаня сияющими глазами. Он сравнил мачеху Да Мэна и ту женщину, что досталась Шинаню. Судьба — штука несправедливая.

Шинань, прочитав его мысли по глазам, со смехом перевернул его на спину и крепко поцеловал. Он давно выбросил старые обиды из головы... Ему было более чем достаточно любви этого маленького глупыша.

Глядя на мягкого и податливого Вэй Цю, Шинань почувствовал, как внутри разливается жар, а мысли невольно потекли в совсем ином направлении.

А Вэй Цю, которого полвечера переворачивали туда-сюда, как блин на сковороде, только к полуночи опомнился: «Как же мы до этого докатились? Я же ничего такого не говорил! Вот же негодяй!!!!!»